

ИНКЛЮЗИВНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК МЕХАНИЗМ РАЗРЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ДЕЗИНТЕГРАЦИИ

Бабаева А.В.¹, Шмелева Н.В.¹

¹ФГБОУ ВПО «Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина», Нижний Новгород, Россия (603005, Нижний Новгород, ГСП-37, ул. Ульянова, 1), e-mail: nnspu@nnspu.ru

В статье исследуется проблема оздоровления социальных практик, в частности повышение степени интеграции различных сегментов социального бытия. Внимание авторов концентрируется на вопросе положения в обществе лиц с ОВЗ. Логика анализа сосредоточена не столько на фактическом участии их в общественной деятельности, сколько на представлениях о месте и роли лиц с ОВЗ в сознании коллективного субъекта (общественного сознания). Констатация изменений в структуре общественного производства и стратегии развития общества в целом приводит к мысли о необходимости изменения феноменальных установок в отношении лиц с ОВЗ. В качестве действенного механизма распространения идеи инклюзии в обществе постулируются образовательные технологии. Образование при этом трактуется не столько в качестве социального института, транслирующего конкретные научные знания, сколько в качестве некой среды социализации, в которой личность получает многогранный опыт взаимодействия с различными элементами социальности.

Ключевые слова: образование, инклюзия, лица с ОВЗ, эксклюзия, толерантность, культура, дезинтеграция

INCLUSIVE EDUCATION AS A MECHANISM FOR RESOLVING PROBLEMS OF SOCIAL DISINTEGRATION

Babaeva A.V.¹, Shmeleva N.V.¹

¹Nizhny Novgorod State pedagogical University of Kozma Minin, Nizhny Novgorod, Russia (603005, Nizhny Novgorod, GSP-37, street Ulyanov,1), e-mail: nnspu@nnspu.ru

The article investigates the problem of improving social practices, in particular, to increase the degree of integration of various segments of social life. The authors' attention is focused on the question of the position in society of persons with special needs. The logic of the analysis focuses not so much on the actual participation in social activities, but rather on the perceptions of the place and role of persons with disabilities in the minds of the collective subject (social consciousness). Statement of changes in the structure of social production and strategy of development of society as a whole leads to the thought of having phenomenal change attitudes towards persons with disabilities. As an effective mechanism for the dissemination of the idea of inclusion in society are postulated educational technology. Education when it is treated not so much as a social institution with specific scientific knowledge but as a medium of socialization in which a person receives the multifaceted experience of interaction with different elements of sociality.

Keywords: education, inclusion, persons with disabilities, exclusion, tolerance, culture, disintegration

Современное западное общество идеологически и функционально построено таким образом, что, казалось бы, оно уже вступило в ту фазу, когда социальное бытие, по словам М. Хайдеггера, предстает как со-бытие. В этой связи совершенно логично жизнь отдельной личности должна мыслиться в качестве *у-частия* – органической *части*, единичного существования – в жизни социума как целого. Демократизация и либерализация социальных практик, базируясь на постулате самоценности личности, неотчуждаемости ее естественных прав и свобод, способствуют стиранию жестких границ между социальными группами, слоями, общностями. А развитие технологий, позволяющих осуществлять деятельность различного вида зачастую без учета пространственных характеристик поля деятельности и физических особенностей субъектов, способно решить проблему равенства как в самом

производстве общественных благ, так и в их распределении. Напрашивается вывод, что современное западное общество – это общество с высокой степенью интеграции составляющих элементов и, следовательно, высокой степенью комфортности существования отдельных его частей в пространстве целого.

Конечно, вышеозвученное – это социальный идеал. В условиях глобализации культуры и размывании пространства политического, что влечет за собой актуализацию первичных идентичностей (в первую очередь, этнической и религиозной), социальная интеграция предстает как проблемная зона, само явление диффузности – социальной рассеянности элементов – не исчезает, она просто приобретает иные формы. Тема включенности в социальные практики лиц с ОВЗ, естественно, лишь один из аспектов, который зачастую меркнет на фоне открытых боевых конфликтов этно-религиозной окраски. Но в статье не ставится задача рассмотреть, насколько идеалы бытия общества как живого, органического целого соответствует реалиям социальных практик. Задача скорее в том, чтобы идеологемы, имеющие западное происхождение, примерить к отечественным реалиям, в частности методологически оценить попытки российского общества воплотить в жизнь концепт «толерантность» применительно к лицам с ОВЗ.

Демократия (несущественно при этом, какого собственно варианта демократия – американского или европейского толка) провозглашает идею толерантного отношения к «иному». Понятие «толерантность» до сих пор является предметом научных дискуссий [3, с. 33], однако для нашей проблемы принципиальным в содержании термина является не столько значение «терпимость», сколько «допустимость» [1, с. 7]. Во втором значении понятие «толерантность» характеризуется как «взаимная свобода»; при этом подразумевается, что отдельные личности или социальные группы, артикулируя особые подходы и ценности, не выражают «никакого насилия» над мнениями и позициями других, поскольку предполагается, что различные жизненные стратегии со-вмешаются с «сущностью мира» [5, с. 77] (принцип различения, дифференциации). В рамках нашей проблемы толерантность в отношении лиц с ОВЗ фактически должна означать *до-пустимость* как впускание в социальное пространство независимо от состояния здоровья и наличия функциональных отклонений; *с-мирение* в смысле принятие данной категории людей как органической части социального мира, провозглашение *со-существования* на равных как реального вступления в сферу особой логики бытия. Здесь исключается риторика толерантности как терпимости, поскольку собственно *терпение* к инаковости следовало бы трактовать как насилие над сознанием, т.е. «неорганическое» признание другого, иного, что в социальных практиках выливается в формальную, внешнюю, неподлинную лояльность,

которая рано или поздно выльется в фактическое неприятие, отгораживание и дистантность по отношению к инвалидам.

В этой связи закономерно возникает вопрос, что значит установление границ между «мы» как референтной социальной группой «здоровых», где принадлежность к «мы» предполагает особые предпочтения по наличию физических характеристик, и «они» — лица с ОВЗ? В чем коренится желание дистанцироваться от людей с особыми возможностями здоровья? Известно, что механизмы очерчивания границ — не что иное, как результаты идентификации и самоидентификации, что представляет собой фундаментальные феномены и процессы социального и биологического характера. Данные процессы на личностном уровне отвечают не только за определение сущностных характеристик субъекта, выявление его уникальности, неповторимости — очерчивания границ бытия-для-себя; но и фиксируют условия вписывания особенного, единичного в общественное, грани резонирования личного, частного с общим (бытие-для-других). На уровне бытия общества как целого идентификационные стратегии во многом определяют вектор и логику его исторического развития. Как утверждает Бородкин, «без различения “своих” и “чужих”, без предоставления тех или иных преимуществ и льгот “своим” перед “чужими” не смог бы выжить и развиваться и вид *Homo sapiens*».

Фактически перед нами проблема формирования социальных практик посредством бинарной оппозиции «культура и природа». Человечество еще на заре своего развития, организуя социальный мир, стремилось наполнить свое жизненное пространство нормативами и шаблонами, чтобы сделать мир «мы» упорядоченным, управляемым и предсказуемым. Этот мир и есть мир культуры в буквальном смысле, и в каких бы формах он не фиксировал понятие «нормы», он радикально противостоит хаосу и непредсказуемости природы. Человечество в древности стремилось исключить сбои любого характера в социально-культурном пространстве — сделать социальные практики островком безопасности и в психологическом, и в биологическом смысле. Первобытное общество, четко определяя границы нормы и заявляя требования дистантности от физических и психических отклонений, решало проблему выживания человека как вида, где ни правовые, ни гуманистические ценности в расчет не принимались. Все, что отлично от привычного, на ранних стадиях общественного развития должно было вызывать страх как неуправляемое, непредсказуемое, а это означало изыскивание энергетических ресурсов для выработки новых стратегий понимания и развития особых механизмов трансляции опыта. «Морфологическая» идентификация в древности определяется биологическим моментом, во главе угла ставилось улучшение качества физических показателей человеческой природы, где глобальная цель — сохранение человека как вида; при этом социокультурные механизмы фактически

обслуживают «проблему выживания». В довершение стоит отметить и характер производства в первобытном обществе: присваивающая экономика (охота и собирательство) крепко фиксировала логику распределения благ в группе по мере участия индивидов в производстве этих благ. Таким способом постулировался и экономический аспект «селекции», где принципиальную роль играл факт непосредственного участия в производстве.

Для конкретного человека сохранение функциональности собственного организма – это разрешение по сути проблемы личного, физического выживания, а для группы – улучшение качества «человеческого материала» в целом. Проведение группой демаркационной линии по состоянию здоровья, определение физиологической «нормативности» и селекция по означенным признакам, кристаллизуясь в социальных практиках, постепенно ассоциировались с социальным порядком и стремлением улучшить качественные показатели человеческой природы. Экзистенциальные переживания, страх перед «инаковостью» на стадии формирования человеческого общества не следует объяснять лишь примитивностью и неразвитостью человеческого сознания и социальных институций. Это была артикуляция требований рода, отстаивающего свое право «быть». В этой связи аргументы Ф.М. Бородкина сложно опровергнуть: феномены «вовлечения» в совместные действия и «исключения» из жизни группы, в частности по состоянию здоровья, в своем основании имеют биолого-генетический аспект [2, с. 6].

Конечно, в современном обществе вопросы соответствия группе и следующий за тем выбор формы социального включения/исключения нельзя напрямую относить к биолого-генетическому как наследуемому в буквальном смысле. Процессы идентификации и самоидентификации цепляют мощнейший пласт социально-культурного опыта группы, где «культурный код» описывается как генетический скорее по аналогии, поскольку составляющие его концепты, образы и фреймы способны на сегодняшний день конструироваться с минимальным учетом естественных, природных факторов. К этому следует добавить и следующие тезисы: во-первых, человечество давно уже разрешило проблему сохранения себя как вида, и большинство угроз, нависающих над *homo sapiens*, сегодня не природный вызов, а порождение самого человека, его ошибок и просчетов. Во-вторых, экономически общество находится на той стадии развития, когда жизненный минимум населению планеты в принципе обеспечить возможность есть, а перекосы в распределении и потреблении благ во многом имеют политико-идеологический характер.

Таким образом, на заре истории природа бросала вызов человеку, почему и задачи, стоявшие перед ним, носили объективный характер и требовали часто радикального решения; но сейчас общественные проблемы, в том числе социальная дезинтеграция, большей частью

инициированы самим человеком. Общество обладает достаточными интеллектуальными и материальными ресурсами для решения проблемы комфортного существования индивидов в социальном пространстве независимо от их состояния здоровья и «полезности», что и получает отражение в «культурном коде» западного общества, провозглашающего идею инклюзии.

Перекодировка общественного сознания отчасти обуславливается и пересмотром статуса телесности в современной культуре. Источником западного общественного сознания является античное мировоззрение, но не буквальная калька с него. Так, древние греки обосновывали положение, что красота внутренняя сопряжена с красотой тела, иные же комбинации ими не принимались, при этом тело гражданина рассматривалось как граница манифестации его личного бытия, поэтому было неприкосновенно. В средневековье, хотя тело трактовалось в качестве «кожаных риз», которые душа должна преодолевать в борьбе со страстями, различного рода «особенности» расценивались как проявления или следствия греховности, поэтому к ним относились настороженно. Новое время, развивая идею о том, что тело есть точка в пространстве и времени, посредством чего сознание осуществляет свою познавательную деятельность, придало телесности функциональное значение. Современность с широким использованием практик радикальной трансформации и коррекции телесности склонна воспринимать тело как орудие получения опыта. Наличие различных регионов бытия и аспектов их освоения, а также динамичность, номадический характер современной цивилизации – все это предполагает и разнообразные комбинации средств деятельности. Социальные практики сегодня дают право индивиду в течение жизни экспериментировать с собственной телесностью, дабы апробировать разные сферы и границы опыта. Это поставило вопрос о фундаментальности телесности в биолого-физиологическом и в отно-экзистенциальном ключе, что повлекло пересмотр ансамбля социально значимых характеристик личности и их прямой зависимости от биологических параметров. Фактически западное сознание подошло к черте, за которой физические параметры личностного бытия могут нивелироваться.

Однако полагать, что межпоколенная трансляция эксклюзии лиц с ОВЗ исчезнет сама собой через некоторое время по той причине, что общественное сознание провозгласило желание стать толерантным по отношению к инвалидам, — нельзя. «Норма» как механизм разграничения «мы» и «они» есть не просто констатация среднестатистичности, отнесение к шаблонности, – «норма» является основанием утверждения упорядоченности социальных практик. Для прочного укоренения любой нормы в культуре необходимо время: сначала идея «вызревает» на уровне сознания (референтной группы) – субъективный уровень, потом, поскольку выражает универсальные связи и отношения, объективируется, овнешняется,

затем идея обкатывается на практике, посредством чего общество как бы проверяет ее действенность, работоспособность в опыте – проходит процесс хабитуализации, т.е. опривычивания. Конечная стадия формирования нормы означает, что теперь концепт существует на уровне социальной онтологии, он включен в костяк реальности, формирующей и обуславливающей социальное действие. На уровне индивидуального сознания использование таких концептов разрешает проблему энергетических затрат в отношении осмысления собственного поведения в конкретной жизненной ситуации, наличие таких механизмов радикально упрощает деятельность. Формирование социальной нормы – процесс длительный, но и отказ от нее не происходит в одночасье. Для россиян параметры телесности, характеристики, связанные с состоянием здоровья, на сегодняшний день продолжают оставаться базовыми признаками групповой идентификации.

В современных условиях самыми действенными механизмами трансляции нормативов, в частности в плане терпимости/нетерпимости, являются семья, СМИ и образование, причем последние институции начинают превалировать по мере того, как в расширении и углублении диффузности социальных отношений все больше обнаруживается влияние информационных процессов. В этой связи демократизация и либерализация социальных практик в России поднимает тему совершенствования интеграционных процессов в первую очередь посредством образовательной технологии. Аргументация здесь следующая. Во-первых, данные социологических опросов свидетельствуют, что образование по сравнению с семьей и СМИ признается сферой наименьшего проявления нетерпимости. Таким образом, общество само как бы декларирует образовательное пространство как среду, где должны быть исправлены перекосы процесса первичной социализации [4, с. 160].

Второй аргумент исходит из сущностной характеристики сферы образования, основания же этой характеристики коренятся в философских течениях: экзистенциализме и феноменологии. Образование с означенных позиций – это среда, в которой совершается событие формирования образа мира – живого, пульсирующего. В этом случае под обучением понимается не трансляция набора знаний и концептов, которые в итоге складываются в научную картину мира. Школа в своем исконном предназначении должна помочь личности стать открытым со-знанием, научить с-мирению – бытию-с-миром и для-мира. Этого невозможно достичь исключительно рациональным путем, это надо пережить, получить соответствующий опыт, что и будет развивать определенный навык со-бытия с иным, другим.

Признать и принять уникальность и эксклюзивность любого персонального мира, в том числе и мира, имеющего ограниченные возможности телесной манифестации, способен только человек, имеющий за плечами длительный опыт подобного общения. В массовом

порядке только реализация идеи инклюзивного образования способна обеспечить подобного рода опыт в сжатые сроки. Какой бы красивой и правильной идея ни была, пока она не включена в функционал, в практику, она носит декларативный и пропагандистский характер. Если российское общество хочет достаточно быстро и эффективно разрешить проблему толерантного отношения к лицам с ОВЗ, то надо воочию показать еще на стадии вхождения в социальные связи, что страх иного не имеет под собой на сегодняшний день реального основания. Тем самым детям надо продемонстрировать, что проблема инаковости – это проблема того, как она переживается субъектом. Либо инаковость переживается позитивно, тогда она выступает механизмом позиционирования, самоутверждения; либо — негативно, и тогда становится основанием отчуждения. В свое время М. Фуко весомо обосновал, что физиологические и психические отклонения нельзя рассматривать исключительно как биологический феномен: подобного рода явления — продукт властных отношений, поэтому становятся действенным механизмом социального контроля. Болезнь и отклонение социально конструируются, образно принимаются за точку отсчета формальной артикуляции «нормы», что усугубляет диффузность социальных отношений.

Западное общество, и Россия в том числе, осознало, что механизм социальной эксклюзии – исключения индивидов и групп на периферию социального бытия, есть результат социализации, усвоения конкретного социокультурного кода. На сегодняшний день исключение людей с ограниченными возможностями здоровья на Западе в меньшей степени обусловлено экономически и биологически. Данная проблема преимущественно интеллигентного, феноменального свойства: она коренится в лености и окостенелости сознания, в нежелании взглянуть на мир во всем его многообразии. Некоторое время назад не все признавали само наличие данной проблемы, сейчас же мы понимаем, что проблема есть и ее нужно решать. Конечно, инклюзия в образовании вряд ли способна разрешить все вопросы социальной дезинтеграции, но, несомненно, дает возможность случиться опыту взаимодействия различных сегментов социального бытия в стадии становления личности, а это в свою очередь безболезненно выводит из общественного сознания стереотипы исключительности, превосходства физических параметров в личностной идентификации.

Список литературы

1. Асмолов А.Г. На пути к толерантному сознанию. — М., 2000. – 255 с.
2. Бородкин Ф.М. Преодоление социальной эксклюзии: новые подходы // Социологический журнал. – 2000. — № 3/4. – С. 5–17.

3. Мухамбеткалиева Г.М. Теоретико-методологические аспекты изучения понятия «толерантность» // Вестник науки Казахского агротехнического университета им. С. Сейфуллина. – 2014. — № 2 (81). – С. 33–38.
4. Солдатова Г.У., Филилеева Е.В. Толерантность, социальное доверие и ксенофобия: определяющие факторы и группы риска. – Тетради Международного университета в Москве № 6. – 2006. – С. 154–176.
5. Conche M. La tolerance francaise et sa signification universelle // Document de travail pour le 19 Congres mondial de philosophic. (Moscou 22—28 aout. 1993. UNESCO division de la philosophic de l'etique Paris aout. 1993).

Рецензенты:

Николина В.В., д.п.н., профессор кафедры педагогики и андрогогики, ГБОУ ДПО Нижегородский институт развития образования, г. Нижний Новгород;
Фортулатова В.А., д.фил.н., профессор кафедры культуры предпринимательства Нижегородского государственного университета, г. Нижний Новгород.